

И. В. Одинцова

ИМПЛИКАЦИЯ И ИНФЕРЕНЦИЯ В ЛИНГВОДИДАКТИКЕ

IRINA V. ODINTSOVA

IMPLICATION AND INFERENCE IN LINGUODIDACTICS

В статье анализируются понятия «импликация» и «инференция» в современной когнитивно-дискурсивной лингвистике. Импликация и инференция рассматриваются как когнитивные операции извлечения смысла в лингводидактических целях.

Ключевые слова: импликация; инференция; имплицатура; начальный этап обучения; продвинутый этап обучения.

The article analyzes the concept of “implication” and “inference” in contemporary cognitive and discursive linguistics. The implication and inference are considered as cognitive operations of extracting meaning for the linguodidactic purposes.

Keywords: implication; inference; implicature; initial phase of training; advanced training phase.

Мир, данный нам благодаря органам чувств, в основном «приручен» и означен, виртуальный же мир — мир рефлексий, в том числе и научных, связанных с самим языком, человек не устает постигать и означивать постоянно в процессе деятельности, опосредованной языком. Проблемы понимания, интерпретации¹ текста, механизмы извлечения смысла из его линейной организации привлекают внимание ученых. Выделение и каталогизация лингвокогнитивных механизмов, с помощью которых кодируется и декодируется текст, формируется и интерпретируется смысл, — задача, решать которую необходимо при обучении иностранному языку.

Особая проблема языка — имплицитность, т. е. неявное, опосредованное выражение части информации, отраженной в поверхностной структуре предложения и текста. Проблема имплицитности стала актуальной в языкознании в связи с осознанием того, что «мы извлекаем из отдельного высказывания значительно больше информации, чем содержится в нем как в языковом образовании» [7: 206]. Имплицитность является одной из универсальных языковых категорий, существование которых обусловлено асимметрией плана содержания и плана выражения, несоответствием категорий языка и мышления. Имплицитность — правило существования языка. Наше восприятие речи и характер ее порождения воспитаны на смысловых пропусках. В практике же преподавания иностранных языков имплицитность (ее формы, возможности, запреты и т. д.) вызывает особые трудности.

Обычно об имплицитности говорят, имея в виду высказывание — предложение, погруженное в речь, и дискурс — речь, погруженную в жизнь (Н. Д. Арутюнова). Однако любое слово, произнесенное или зафиксированное на письме, несет в себе тень «невывказанного».

**Ирина Владимировна
Одинцова**

Кандидат филологических наук, доцент
кафедры русского языка
для иностранных учащихся
филологического факультета

Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова

Ленинские горы, д. 1,
Москва, 119991, Россия

► ascot.irina@yandex.ru

Irina V. Odintsova

Lomonosov Moscow State University

GSP-1, Leninskie Gory,

Moscow, 119991, Russia

Нет такой языковой и речевой структуры, которая могла бы считаться полностью эксплицитной с точки зрения выражения в ней денотата или информации о денотате. Этому есть объяснение: «...сущность языка состоит не в том, что он нечто обозначает, а в том, что нечто сообщает» [10: 22]. «Имплицитность знака с точки зрения формального определения есть проекция значения на плоскость тезауруса: это порождает эффект расширения предметной и понятийной сферы, к которой слово может быть приложено в качестве номинации» [18: 7]. Само использование конкретных языковых средств, по сути, является экспликацией имплицитного. Подобное, широкое, понимание имплицитности особенно важно в аспекте лингводидактики. И не только высказывания и тексты должны быть в сфере лингводидактических исследований. В поле зрения должны попасть явления, связанные с функционированием отдельного слова, языковой структуры, интонационным и пунктуационным оформлением высказывания, — все то, что для носителя языка остается в пресуппозиции, является само собой разумеющимся и доведенным до автоматизма, для иностранца — стихией имплицитности.

Феномен имплицитности изучается в лингвистике, психолингвистике, когнитивистике, стилистике, лингвокультурологии, теории коммуникации, теории интерпретации текста. Имплицитность относится к тем понятиям, «которые при их широкой распространенности и даже банальности остаются расплывчатыми по объему и нечеткими по содержанию, хотя сама сущность, отображаемая в этом понятии, играет далеко не второстепенную роль в организации сообщения» [23: 5].

То, что достраивает слушающий или читающий, в лингвистической литературе, прежде всего, связано с проблемами импликации и инференции, а также теми явлениями, которые под этими терминами подразумеваются.

«Импликация» в языкознании рассматривается, с одной стороны, как логическая операция по извлечению смысла. Подобное толкование идет из логики: «ИМПЛИКАЦИЯ» (лат. *Implicare* — тесно связываю) — логическая опера-

ция, связывающая два высказывания в сложное высказывание с помощью логической связки, которой в обычном языке в значительной мере соответствует «если..., то...» [11: 168], то есть А влечет за собой В: $A \rightarrow B$. «Импликация, — по мнению М. В. Никитина, — мыслительная операция и тип мыслительных связей, основанный на отражении сознанием реальных линейных связей, зависимостей, взаимодействий вещей и признаков; мыслительный аналог связей действительности» [15: 165]; «...импликация является сложной ментальной динамической операцией» [20: 6]. Импликацию как когнитивную операцию рассматривают В. В. Богданов, Т. Е. Водоватова, Е. Н. Ермакова, Л. П. Чахоян и др. С другой стороны, под термином «импликация» имеется в виду выводной смысл, не выраженный в поверхностной структуре предложения. И. В. Арнольд рассматривает импликацию как «...дополнительный подразумеваемый смысл (соответствующий консеквенту связки), вытекающий из соотношения соположенных единиц текста (соответствующих антецеденту), но ими вербально не выраженный» [2: 84]. Т. С. Сорокина импликацией называет «...ту имплицитную информацию, которая выводится адресатом и основывается не только на эксплицитно выраженных элементах высказывания (языковых знаниях), но и на экстралингвистических знаниях адресата» [22: 249]. Импликацию как невыраженный смысл рассматривают И. И. Акимова, Е. Г. Борисова, В. А. Кухаренко, Н. П. Пешкова, Г. Г. Почепцов, С. С. Сермягина, М. Ю. Федосюк; И. П. Иванова, В. В. Бурлакова.

Операция по извлечению смысла и сам выводной смысл рассматриваются в литературе и как «инференция». Этот термин, подобно термину «импликация», используется для обозначения и когнитивной операции, и извлекаемого смысла. Под инференцией Е. С. Кубрякова понимает «...получение выводных данных в процессе обработки информации и/или языка и само выводное знание, умозаключение, — одна из важнейших когнитивных операций человеческого мышления, в ходе которой, опираясь на непосредственно содержащиеся в тексте сведения, человек выходит за пределы данного и получа-

ет новую информацию» [12: 33]. На современном этапе существуют разные направления в изучении инференции, которые по-разному высвечивают проблемы, связанные с выводным знанием. Е. С. Кубрякова рассматривает инференцию на основе анализа производных слов и словообразовательной модели [13: 390–459], А. В. Прохоров [21], Ю. К. Пирогова [19] — рекламного дискурса, Л. А. Азнабаева [1], Е. М. Галанова [4] — диалога, Е. Н. Василишина [3] — художественного текста. М. Л. Макаров под инференцией понимает «...широкий класс когнитивных операций, в ходе которых и слушающим, и нам, интерпретаторам дискурса, лишенным непосредственного доступа к процессам порождения речи в голове или „душе“ говорящего, приходится „додумывать за него“» [14: 123]. А. А. Залевская акцентирует внимание на необходимости выявления когнитивных механизмов, лежащих в основе выводного знания, то есть предлагает сместить фокус внимания с выводного знания на процесс получения этого знания [6: 53]. В отечественной науке на инференцию опираются в своих исследованиях Е. Н. Василишина, Т. В. Дроздова, А. В. Кашичкин, О. А. Кривова, Т. А. Колосова, В. В. Красных, С. Н. Петрова, В. А. Плунгян, Е. В. Падучева и др.

И импликация, и инференция связаны с выводным знанием и ответом на вопрос: *Что подразумевается?* Но стоит ли дифференцировать эти понятия (если учесть, что многие авторы не различают их или, используя одно из них, избегают пользоваться другим), а если дифференцировать, то на каких условиях?

С появлением известной статьи Г. П. Грайса [5] в научный обиход вошло понятие «импликатура». «Имплицатурой» Г. П. Грайс обозначил «то, что имплицуруется». Среди импликатур им были выделены конвенциональные импликатуры, которые опираются на языковое значение высказывания (зависимость понимания от фонологических, лексических, синтаксических единиц предложения — дословного значения предложения), и коммуникативные, которые не являются частью конвенциональных значений языковых форм, а выводятся на основе прагматических постулатов речевого общения. Считается, что

особой заслугой Г. П. Грайса является выведение коммуникативных импликатур, однако именно корреляция конвенциональных и коммуникативных импликатур может помочь в разграничении импликации и инференции — разграничении условном, не абсолютном, поскольку эти два явления неразрывно связаны. Неразличение импликации и инференции Дж. Томас объясняет тем, что люди, часто говоря *inferring*, на самом деле имеют в виду *implying*: «In semantics it is used of a formal relation between propositions, e.g. ‘She lives in London’ implies ‘She lives in England’ [26: 84] («Он живет в Лондоне» имплицурует «Он живет в Англии»).

Таким образом, под конвенциональной импликатурой понимается семантический вывод, который делается на основе лингвистических характеристик высказывания — значений слов, синтаксических конструкций и общих знаний о мире, а под коммуникативной импликатурой — вывод, осуществляемый на основе ситуативных аспектов высказывания, его основаниями служат «различные аспекты внешнего и внутреннего контекста, знания социокультурного характера, когнитивные структуры всех уровней, отображающие опыт деятельности в аналогичных ситуациях, элементы перцепции, нормы, правила и принципы языкового общения и взаимодействия в группах того или иного типа» [14: 126]. Например: А. У меня кончился бензин. Б. Тут за углом бензоколонка [5: 228]. По сути, то, что М. Л. Макаров называет формально-логическими инференциями, Ф. Кифер [8: 337–370], И. М. Кобозева [9: 231] семантическими пресуппозициями, является, по Грайсу, конвенциональными импликатурами².

Опираясь на разграничение конвенциональных и коммуникативных импликатур, можно разграничить и операции, с помощью которых эти выводы осуществляются. Импликация — когнитивный механизм, позволяющий выводить подразумеваемый смысл в опоре на буквальное содержание высказывания и общие знания о мире. В результате импликации детализируется, расширяется пропозиция, закодированная в лингвистической форме. Инференция — когнитивный механизм восстановления скрытого смысла,

вычитываемого адресатом, исходя из контекста и ситуации высказывания, когда говорится одно, а подразумевается что-то еще в дополнение к сказанному. Механизм инференции основан на подвижности языкового значения и возможностей адресата извлечь смысл из изменчивого ситуативного контекста, интенций адресанта, его целей и предпочтений. Инференция основывается на разных когнитивных операциях (генерализация, спецификация, аналогия, компрессия, фокусирование, рефрейминг и т. д.), в том числе на операции импликации, и является завершающей операцией вывода смысла.

В практике преподавания РКИ в зависимости от уровня владения языком учащихся мы привлекаем тексты разной сложности: от элементарных, в основе которых лежат «тематические примитивы» [17], до текстов художественной литературы. Каждый раз, отбирая тексты или создавая свои собственные, мы опираемся на принцип «релевантности» (Д. Спербер и Д. Уилсон), который подразумевает, что адресат — учащийся — должен быть уверен в возможности понять прочитанное или сказанное. Другими словами, чтобы быть понятным, текст должен быть релевантен возможностям и предпочтениям учащегося. С целью спровоцировать его коммуникативно-когнитивную деятельность ожидание релевантности в определенной степени может быть нарушено. Но лишь в определенной степени, так как отступление от названного принципа может повлечь цепную реакцию непонимания, когда одно непонимание вызовет другое. Мера имплицитности в учебных текстах или текстах, отбираемых в целях обучения, должна быть строго регламентирована.

На начальном этапе основной когнитивной операцией является импликация. С помощью этой операции создается облегченный процесс коммуникации и обеспечивается однозначность понимания. Смыслы, скрывающиеся за поверхностной структурой высказываний в текстах для начального этапа — «тематических примитивах», максимально приближены к инвариантному значению слов, синтаксических и просодических структур. В «тематических примитивах» имплицитные смыслы логически выводятся на основе

лингвистических характеристик предложения с опорой на конвенциональные области человеческого опыта, поэтому эти смыслы обнаруживаются быстро, они общеизвестны и общедоступны — в основе их лежат сильные фреймы [16]. Имплицитные смыслы извлекаются с помощью наводящих вопросов. Например, к предложению: «С прошлого года Марина работает в детской поликлинике» могут быть заданы такие вопросы, которые актуализируют имплицитную информацию, скрытую за языковыми знаками: *Сейчас Марина работает в детской поликлинике? Сколько лет она работает в поликлинике? Марина окончила медицинский институт? Кого лечит Марина?*

На продвинутых этапах обучения, когда в качестве учебных текстов мы привлекаем сложные, в том числе и художественные, тексты, основной операцией становится инференция. Многочисленные инференции лежат в основе интерпретации текстов, когда адресат, используя и интегрируя различные виды знаний, постепенно проникает в полисемантическое пространство текста. Поскольку инференция в работе с текстом в практике преподавания иностранных языков служит не только познавательной, но и коммуникативной цели, эту когнитивную операцию можно определить как коммуникативно-прагматическую (см. интерпретацию, построенную на импликации и инференции, рассказов М. Веллера, А. Геласимова, С. Довлатова, М. Мишина, Д. Рубиной, Л. Улицкой в учебнике С. Любенской и И. Одинцовой «Advanced Russian: from reading to speaking. От текста к речи» [25]).

Инференции при интерпретации художественного текста делают возможным: направлять понимание; создавать внутреннюю, содержательную, связанность текста (когерентность текста); порождать новые смыслы, не имеющие формального воплощения в тексте; расширять объем высказываний за счет нарушения границ предложения; строить гипотезы развития смысла; изменять гипотезы на основе расширяющегося понимания текста; извлекать имплицитные смыслы из текста индуктивно, следуя принципу вероятности; соотносить «настоящее» образа текста с вероятностным

«будущим» или вероятностным «прошлым»; перемещаться с одного уровня осмысления текста на другой (принцип «инференциального лифта»); акцентировать те смыслы, которые необходимы для концептуального понимания текста; отвлекаться от несущественных, «неработающих» на основную, концептуальную, цель, смыслов; постепенно формировать итоговую инференцию на основе актуализированных и «отложенных» выводов; извлекать несколько импликатур, иногда противоречащих друг другу; выводить импликатуры, которые не обязательно будут совпадать с замыслом автора; сохраняя инвариантное концептуальное ядро текста, создавать бесконечные варианты интерпретаций.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В когнитивном аспекте интерпретация понимается широко, не только как толкование художественных текстов: «Мир не отображается, а интерпретируется — таков один из важнейших девизов когнитивизма» [24: 90].

² Г. П. Грайс, выделяя коммуникативные импликатуры, говорит об импликатурах речевого общения. Но понятие «импликатура» стало широко употребляться не только применительно к разговорному дискурсу, но и к нарративу, что естественно: слово, ни к кому не обращенное, — пустой знак. Нарративный дискурс в современных исследованиях рассматривается как коммуникативно-прагматическое явление (см. работы Л. Г. Бабенко, Н. С. Болотновой, В. А. Масловой, А. М. Шахнарович и др.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Азнабаева Л. А. Ускорение инференции в диалоге // Форма, значение и функции единиц языка и речи: Матер. докладов междунар. науч. конф., 16–17 мая 2002. В 3 ч. Ч. 2. Минск, 2002. С. 116–117.
2. Арнольд И. В. Импликация как прием построения текста и предмет филологического изучения // Вopr. языкознания. 1982. № 4. С. 83–92.
3. Василишина Е. Н. Когнитивно-прагматический аспект дискурсивных импликатур (на матер. произведений В. В. Набокова): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2015.
4. Галанова Е. М. Инференция и диалоговое взаимодействие (на матер. вопросно-ответных единств) // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2012. Т. 11. Вып. 2: Филология. С. 39–44.
5. Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистическая прагматика / Общ. ред. Е. В. Падучевой. Вып. 26. М., 1985. С. 217–238.
6. Залевская А. А. Текст и его понимание. Тверь, 2001.

7. Звегинцев В. А. Предложение и его отношение к языку и речи. М., 1976.

8. Кифер Ф. О пресуппозициях // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. М., 1978. С. 337–370.

9. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика: учеб. пособие. М., 2000.

10. Колианский Г. В. Некоторые вопросы семантики языка в гносеологическом аспекте // Принципы и методы семантического исследования. М., 1976. С. 5–31.

11. Кондаков Н. И. Логический словарь М., 1971.

12. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М., 1996.

13. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения // Роль языка в познании мира. М., 2004.

14. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М., 2003.

15. Никитин М. В. Основы лингвистической теории значения: учеб. пособие. М., 1988.

16. Одинцова И. В. Сильные и слабые фреймы как единицы коммуникативно-когнитивного аспекта речевой деятельности // Мир русского слова. 2011. № 1. С. 89–94.

17. Одинцова И. В. Тематические примитивы как основа обучения иностранному языку на начальном этапе // Мир русского слова. 2014. № 1. С. 58–62.

18. Перванов Я. А. Имплицитные аспекты номинации в русском и болгарском языках: дис. ... канд. филол. наук. Одесса, 1995.

19. Пирогова Ю. К. Имплицитная информация как средство коммуникативного воздействия и манипулирования (на матер. рекламных и PR-сообщений) // Проблемы прикладной лингвистики 2001. М., 2001. С. 209–227.

20. Попова А. А. Когнитивный аспект импликации (на матер. русского и французского языков): дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2006.

21. Прохоров А. В. Обусловленность процессов инференции импликатурами рекламного текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2006.

22. Сорокина Т. С. Семиотическая природа естественно-го языка в свете теории инференции // Вестн. МГЛУ. Вып. 19 (652). М., 2012. С. 246–257.

23. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986.

24. Фрумкина Р. М. Когнитивная лингвистика или «психоллингвистика наоборот»? // Язык и речевая деятельность. Т. 2. СПб., 1999. С. 80–93.

25. Lubensky S., Odintsova I. Advanced Russian: from reading to speaking. От текста к речи. Book 1. Texts. Assignments. Dictionary. Slavica Publishers. Indiana University. USA, 2010.

26. Thomas Jenny A. Meaning in Interaction: An Introduction to Pragmatics. London; New York, 2013.

REFERENCES

1. Aznabaeva L. A. (2002) *Uskorenie inferentsii v dialoge* [Acceleration of procedure in the dialog]. Proceeding of the international scientific conference «Form, meaning and function of units of language and speech». (16–17 may 2002). In 3 vols., vol. 2. Minsk, pp. 116–117. (in Russian)
2. Arnold I. V. (1982) *Implikatsiia kak priem postroeniia teksta i predmet filologicheskogo izucheniia* [The implication as the reception setting of the text and subject of linguistic study]. *Voprosy iazykoznaniiia* [Issues of linguistics], 1982. no. 4, pp. 83–92. (in Russian)

3. Vasilishina E. N. (2015) *Kognitivno-pragmatische aspekt diskursivnykh implikatur (na materiale proizvedenii V. V. Nabokova)* [The cognitive-pragmatic aspect of discourse implicature (based on the works of Vladimir Nabokov)] (Candidate's thesis, Philology). Kazan. (in Russian)
4. Galanova E. M. (2012) *Inferentsiia i dialogovoe vzaimodeistvie (na materiale voprosno-otvetnykh edinitsy). Vestnik NGU. Seriya: Istoriia, filologiya* [Vestnik NSU. Series: History, Philology], 2012. vol. 1. iss. 2, *Philology*, pp. 39–44. (in Russian)
5. Grais G. P. (1985) *Logika i rechevoe obshchenie* [Logic and speech communication]. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Lingvisticheskaia pragmatika* [New in foreign linguistics. Linguistic pragmatics] (general. ed. by E. V. Paducheva), vol. 26. Moscow, pp. 217–238. (in Russian)
6. Zalevskaia A. A. (2001) *Tekst i ego ponimanie* [The text and its understanding]. Tver. (in Russian)
7. Zvegintsev V. A. (1976) *Predlozhenie i ego otnoshenie k iazyku i rechi* [The proposal and its relationship to language and speech]. Moscow, 1976. (in Russian)
8. Kifer F. O. (1978) *O presuppozitsiakh* [About the presuppositions]. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike* [New in foreign linguistics], vol. 8. Moscow, pp. 337–370. (in Russian)
9. Kobozeva I. M. (2000) *Lingvisticheskaia semantika: uchebn. Posobie* [Linguistic semantics: textbook]. Moscow. (in Russian)
10. Kolshanskii G. V. (1976) *Nekotorye voprosy semantiki iazyka v gnoseologicheskom aspekte* [Some issues of the semantics of language in the epistemological aspect]. *Printsipy i metody semanticheskogo issledovaniia* [Principles and methods of semantic research]. Moscow, pp. 5–31.
11. Kondakov N. I. (1971) *Logicheskii slovar'* [Logical dictionary]. Moscow. (in Russian)
12. Kubryakova E. S., gen. ed. (1996) *Kratkii slovar' kognitivnykh terminov* [Brief dictionary of cognitive terms]. Moscow. (in Russian)
13. Kubriakova E. S. (2004) *Iazyk i znanie: Na puti polucheniia znaniia o iazyke: Chasti rechi s kognitivnoi tochkoi zreniia* [Language and knowledge: On the way of getting knowledge about language: Parts of speech from cognitive point of view]. *Rol' iazyka v poznanii mira* [The role of language in understanding the world]. Moscow. (in Russian)
14. Makarov M. L. (2003) *Osnovy teorii diskursa* [Fundamentals of the theory of discourse]. Moscow. (in Russian)
15. Nikitin M. V. (1998) *Osnovy lingvisticheskoi teorii znacheniia: uchebn. Posobie* [The foundations of linguistic theory values: a training manual]. Moscow. (in Russian)
16. Odintsova I. V. (2011) *Sil'nye i slabye freimy kak edynitsy kommunikativno-kognitivnogo aspekta rechevoi deiatelnosti* [Strong and weak frames as units of the communicative-cognitive aspect of the speech activity]. *Mir russkogo slova* [The World of Russian word], no. 1, pp. 89–94. (in Russian)
17. Odintsova I. V. (2014) *Tematicheskie primitivy kak osnova obucheniia inostrannomu iazyku na nachal'nom etape* [Thematic primitives as the basis of learning a foreign language at the initial stage] *Mir russkogo slova* [The World of Russian word], no. 1, pp. 58–62. (in Russian)
18. Pervanova Ia. A. (1995) *Implitsitnye aspekty nominatsii v russkom i bolgarskom iazykakh* [The implicit aspects of the nomination in Russian and Bulgarian languages]. (Doctor's thesis, Philology). Odessa. (in Russian)
19. Pirogova Iu. K. (2001) *Implitsitnaia informatsiia kak sredstvo kommunika-tivnogo voz-deistviia i manipulirovaniia (na materiale reklamnykh i PR-soobshchenii)* [Implicit information as a means of communicative effect and manipulation (on the material of advertising and PR-communications)]. *Problemy prikladnoi lingvistiki* [Problems of applied linguistics] Moscow. pp. 209–227. (in Russian)
20. Popova A. A. (2006) *Kognitivnyi aspekt implikatsii (na materiale russkogo i frantsuzskogo iazykov)* [Cognitive aspect of the implication (in the Russian and French languages)]. (Extended abstract of candidate's thesis, Philology). Irkutsk. (in Russian)
21. Prokhorov A. V. (2006) *Obuslovlennost' protsessov inferentsii implikaturami reklamnogo teksta* [The conditionality of the processes of the procedure implicature ad text]. (Candidate's thesis, Philology). Tambov. (in Russian)
22. Sorokina T. S. (2012) *Semioticheskaia priroda estestvennogo iazyka v svete teorii inferentsii* [The semiotic nature of natural language in the light of the theory procedure]. *Vestn. MGLU* [Vestnik MSLU] vol. 19 (652). Moscow, pp. 246–257. (in Russian)
23. Telia V. N. (1986) *Konnotativnyi aspekt semantiki nominativnykh edinitz* [Connotative aspect of semantics of nominative units]. Moscow. (in Russian)
24. Frumkina R. M. (1999) *Kognitivnaia lingvistika ili «psikholingvistika naoborot»? [Cognitive linguistics or “psycholinguistics, on the contrary”?]. Iazyk i rechevaia deiatel'nost'* [Language and speech activities], vol. 2, St. Petersburg, pp. 80–93. (in Russian)
25. Lubensky S., Odintsova I. (2010) *Advanced Russian: from reading to speaking. Ot teksta k rechi* [From text to speech] Book 1. Texts. Assignments. Dictionary. Slavica Publishers. Indiana University, USA. (in Russian)
26. Thomas Jenny A. (2013) *Meaning in Interaction: An Introduction to Pragmatics*. London; New York, 2013. (in English)

[представляем новые книги. рецензии]

ПУТЬ К УСПЕХУ 1, 2 [WEG ZUM ERFOLG 1, 2] / BLUM T., GORELOVA E. [Т. Д. БЛУМ, Е. А. ГОРЕЛОВА].
ВЕНА: FACULTAS, 2014, 2016.
 (Окончание. Начало на с. 77, 90)

типичная русская матрёшка имеет в русском языке номинацию *бабушка*); б) словосочетания *первый этаж*; в) омонимичных отчеств и фамилий, оканчивающихся на *-ович*, и многих других языковых единиц.

Материалы учебника, ориентированные на овладение письменными и устными жанрами делового общения, открывают перед учащимися новые перспективы в профессиональной деятельности: в написании электронных деловых писем на русском языке, составлении резюме, а также в презентации своей фирмы, в ведении переговоров и подписании контрактов и др.

Особого внимания заслуживают задания на обучение такому виду речевой деятельности, как чтение. Эти задания глубоко и детально продуманы авторами, содержат интересный страноведческий материал, представленный в виде инфографики, поликодовых текстов, блогов в Интернете и пр. На самом раннем этапе обучения Т. Д. Блум и Е. А. Горелова не боятся обращаться к аутентичным текстам и учитывают желание взрослой аудитории расширить свои знания о современной России.

«Путь к успеху» — учебник нового поколения, который использует все возможности получения информации и включение её в учебный процесс. Учебное

пособие не предполагает типичных аудиоприложений, записанных на диске. Все записи размещены на сайте университетского издательства «Facultas», которое в настоящее время готовит к выпуску англоязычную версию рецензируемого издания, что позволит расширить аудиторию взрослых учащихся за счет тех, кто не имеет возможности учиться и стажироваться в России.

Учебник «Путь к успеху» может послужить поводом для ведения осмысленного диалога внутри профессионального сообщества преподавателей РКИ, обучающихся языку в разных странах, и вывести на обсуждение конкретных проблем: существования определённых научно-методических традиций за пределами метрополии; несовпадения учебных планов и моделей обучения в России и за рубежом; включения российских сертификатов в учебные программы европейских университетов. Решение этих вопросов откроет русскому языку путь к успеху, упрочит его позиции в мире, а также сможет способствовать интеграции российской и западной моделей обучения в единое образовательное пространство.

И. В. Реброва,
 Зальцбургский ун-т